

Сауле

Абешева

доктор филологических наук,
КазНПУ им. Абая

ТЕМНОЕ ВЕЩЕСТВО ХИМИИ В ПОЭЗИИ БАХЫТА КЕНЖЕЕВА

Поэт Б. Кенжеев, так же, как и многие знаменитые его предшественники (А. Чехов, М. Булгаков, В. Аксенов и др.), оказался в «плелу» своей первой профессии. Выпускник химического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, став блистательным поэтом, никогда не забывал (сознательно или бессознательно) о химии. Поэзией этой науки дышит все его творчество.

В 2015 г. поэт Бахыт Кенжеев в соавторстве со своим однокурсником Петром Образцовым написал увлекательную научно-познавательную книгу «Удивительные истории о веществах самых разных. Тайны тех, что составляют землю, воду, воздух... и поэзию». В интересной, доступной форме авторы рассказывают о сложных химических процессах в окружающем нас мире: природе и быту, в военной и хозяйственной промышленности и т. д. Известный поэт и его соавтор – популяризатор науки, он же – прозаик, показывают, как в результате химического соединения различных веществ появились ароматизаторы, стекло, клейковина, некоторые виды химического оружия и т. п. Они рассказывают «о самых обычных и самых необычных окружающих человека веществах – от золота до продуктов питания, от воды до ядов, от ферментов и лекарств до сланцевого газа» [4; 260].

Уникальность этого труда заключается в том, что Кенжеев и его соавтор создают новый, гибридный жанр, в котором переплетаются наука о химии и высокая поэзия как искусство. Описание химических веществ, история их возникновения и особенности их формульных проявлений сопровождаются иллюстрациями из русской поэзии, начиная от поэзии Ломоносова до поэзии А. Цветкова – соратника Кенжеева по «Московскому времени».

Приведем один яркий пример из «Удивительных историй о веществах самых разных...» Рассказ о таком продукте из щелочных солей и природных жирных кислот, как мыло, включает в себя скрупулезную историю его изобретения, описание его свойств, а также разговор об отдельном моющем веществе, которое называется «шампунь». Авторы пишут:

изобретение собственно мыла приписывают римлянам и относят его к первому тысячелетию до нашей эры. Легенда гласит, что слово «мыло» (английское «soap»)

произошло от названия горы Сапо*, на которой совершались жертвоприношения богам. Смесь из растопленного животного жира и древесной золы жертвенного костра смыло дождем в глинистый грунт берега реки Тибр. А женщины, стиравшие там белье, обратили внимание на то, что благодаря этой смеси одежда отстирывается значительно легче [4; 90].

После этой «презренной прозы» о химическом процессе происхождения мыла и его гигиенических свойствах авторы книги обращаются к стихотворению Е. Винокурова «Моя любимая стирала...» В цитируемом целиком поэтическом тексте отразился не только процесс использования мыла, но и названы его свойства, качества и признаки: «крохотный обмылок», «пенной», «От мыла, щелока и соды».

Авторы книги сочли возможным соединить под одной обложкой два разных способа познания жизни – научный и художественный – химию и поэзию, которые, как выяснилось, обладают схожей магией превращения. Она заключается не в механическом суммировании элементов, а в том, что соединение взаимообусловленных элементов только в определенной структуре способствует появлению нового химического вещества или рождению нового поэтического текста. В результате этого «как вещество обладает уникальными свойствами, так и художественный текст несет в себе неожиданный новый смысл» [4; 249]. Если «*поэзия всегда больше суммы слов, из которых она состоит*» [4; 248], то и в химии «катализирующие свойства, например, ферментов возникают не у любой молекулы, а лишь в случае, если она обладает и строго определенной вторичной структурой (скажем, свернута в спираль или клубок) за счет водородных связей» [4; 249].

Значит, и в результатах химических процессов, и в существовании поэзии есть определенная тайна. Наличие некоего скрытого условия реализации двух форм познания, обратившись к метафоре, мы назовем «темным веществом»**, суть которого заключается в познании непознаваемого. Руководствуясь научно-популярной книгой поэта и прозаика, попытаемся выяснить, как в поэзии самого Кенжеева проявляется темное вещество химии, так как химические «эквики» присутствуют в ней повсеместно. В цикле «Послания» Кенжеев, обращаясь к своему мудрому другу – химику Якову Малкину, восхищается его преданностью «до страсти / естествоиспытательству». Но в стихотворном творчестве он и сам не прочь наблюдать «за чередой чудесных превращений» [3; 125]. Кенжеев – это поэт с «колбою химической в руке», так как в его стихотворениях нередко можно обнаружить не только частое использование терминов, но и описание химических процессов, и значение химических элементов.

Обратимся в качестве доказательства к стихотворению «Организация Вселенной...», где предстает целый естественнонаучный сюжет о жизнедеятельности мироздания и месте человека в нем. В приближенной к фольклору стилизованной форме (синтаксический параллелизм двух назывных предложений, подчеркнутый

* Сапун-гора получила свое название потому, что там имеется глина, способная поглощать грязь [4; 90]. Интересно, что слово «мыло» на казахском языке звучит как «сабын». Здесь налицо смысловое и звуковое сходство: «сабын» ↔ «soap», «Сапо», «Сапун».

** Для справки: темное вещество – «общее название совокупности астрономических объектов, недоступных прямым наблюдениям современными средствами астрономии [...], но наблюдаемых косвенно по гравитационным эффектам, оказываемым на видимые объекты» [4; 248]. Авторы книги «Удивительные истории о веществах самых разных...» сравнивают поэзию с этим астрономическим явлением. В пределах данной статьи мы считаем, что и химии можно расценивать как обладательницу темного вещества.

единоначатием «а») Кенжеев дает в поэтическом переложении информацию о роли водорода во вселенной.

«Организация Вселенной...»

«А рядом с ней планеты-сестры,
а в середине жарко солнце,
Большой костер из водорода
И прочих разных элементов»
[3; 244].

Справка

«Водород – самый распространенный элемент космоса. На его долю приходится около половины массы Солнца и большинства других звезд. Он содержится в газовых туманностях, в межзвездном газе, входит в состав звезд. В недрах звезд происходит превращение ядер атомов водорода в ядра атомов гелия. Этот процесс протекает с выделением энергии, для многих звезд, в том числе для Солнца, он служит главным источником энергии» [1].

В стихотворении «Куда плывет громоздким кораблем...» появляется зашифрованный образ вселенной, который можно декодировать благодаря слову «водород» и описанию уже знакомых его химических свойств: «*А из краев, где жаркий водород / шлет луч на землю*» [3; 105]. Скопление звезд Кенжеев метафорически называет «водородный рой», так как водород, являясь самым легким элементом периодической системы, участвует в образовании звезд.

Все вышесказанное свидетельствует об особой роли химии в поэзии Кенжеева. В соответствии с этим попытаемся описать слова, обозначающие химические явления и процессы; рассмотрим, как и в каком контексте они употребляются в творчестве современного поэта. Выясним, каким способом химические термины и явления, пройдя через стихотворное тело, превращаются в поэтические образы, взаимодействие между которыми порождает феномен темного вещества поэзии. Основой для данной аналитической работы послужила поэтическая книга «Послания». Она была издана в Казахстане в 2004 г. с одобрения Бахыта Кенжеева, который принимал личное участие в ее составлении и презентации перед любителями его поэзии в городе Алматы.

Из указанной книги нами была сделана полная выборка всех слов, означающих газообразные, жидкие и твердые вещества. Их общее количество в прямой номинации составило 448 слов. Круг слов с химической семантикой для анализа в данной статье помогла определить таблица химических элементов Д. Менделеева. Те элементы таблицы, которые встречаются у Кенжеева, вошли в условную «Поэтическую таблицу химических элементов Б. Кенжеева» и стали предметом дальнейшего рассмотрения.

Водород 3	Азот 2	Алюминий 2	Кремний 3	Фосфор 1	Сера 1	Железо 10	Никель 1	Медь 18
Цинк 1	Мышьяк 2	Серебро 14	Олово 1	Йод 1	Золото 19	Ртуть 3	Свинец 2	Кобальт 1

В стихотворениях Кенжеева встречается 18 наименований химических элементов из таблицы Д. Менделеева. По существу, это «конкретное слово, отдельная языковая единица, заключающая в себе потенциалы разнообразного использования»

[12; 165]. Из 85 словоупотреблений, начиная от водорода и заканчивая кобальтом, безусловное первенство принадлежит таким простым химическим веществам, как металлы. Сознанию, не обремененному химическими науками, они оказались самыми знакомыми и понятными.

О химических свойствах шести металлов говорится уже в Библии:

...вот постановление закона, который заповедал Господь Моисею: золото, серебро, медь, железо, олово и свинец, и все, что проходит через огонь, проведите через огонь, чтобы оно очистилось, все же, что не проходит через огонь, проведите через воду (Библия. Четвертая книга Моисеева. Числа: Глава 31: 21–23).

Пишет об этих металлах и Кенжеев в «Удивительных историях о веществах самых разных»: «Знакомство человека с металлами началось с золота, серебра, меди, встречавшихся в свободном состоянии на земной поверхности. Впоследствии к ним присоединились металлы, распространенные в природе и легко выделяемые из руды: олово, свинец, железо, ртуть» [4; 149].

Явное лидерство таких металлов, как золото, медь, серебро, железо, можно объяснить их расхожестью в антропологическом мире и тем, что в человеческом сознании они чаще закреплены не как химические элементы, а как повседневные обиходные понятия. Предстают они в стихотворениях Кенжеева в качестве прилагательных в банальном сочетании с существительными и указывают на то, из чего сделаны предметы: «в золотой табакерке», «цепочке золотой», «золотым колечком», «медная иголка», «в медных колчанах», «помятой медною трубой», «медные ключи», «медный крест», «медной бритвой», «медные монеты» («м. денег», «м. грош»), «над железной голубятней», «железным серпом», «кочергу железную». Обращают на себя внимание три случая употребления этих слов в качестве онимов, выделенных либо стилистически: «злато», «медяк», либо отсылкой к поэме «Руслан и Людмила» А. Пушкина: «над златом чах».

Интересно, что слово «железо» в отличие от слов «золото», «серебро» и «медь» больше всех представлено в прямой номинации: «Крепкие двери казенным железом обиты», «железо к стали», «поржавевшее железо», «пуд листового железа и чугуна» «лист железа падет, грохоча». В стихотворении «Две осени: тыква и брюква...» есть фраза, завораживающая своим ритмико-интонационным звучанием и в то же время определенной загадочностью. Возникающий здесь выразительный образ начала и конца будет более понятным, если попытаться обратиться к научным комментариям.

Две осени: тыква и брюква...

«Побелеет железо вначале /
и окалиной станет в конце»
[3; 214].

Справка

«Железо – серебристо-белый, ковкий и пластичный тугоплавкий металл [...]. В кислороде железо сгорает с образованием черного порошка железной окалины – оксида железа» [10].

Для читателя, смутно помнящего школьный курс химии, данная справка помогает выяснить причину появления слова «окалина» в тексте в качестве поэтического образа. Благодаря ей же становится ясен механизм возникновения

семантики начала и конца. Этот образ, заключая в себе глубинную подтекстовую информацию, отсылает и к символике цвета.

Принцип цветового дуализма лежит в основе многих символов. *Ночь* как *мать* всех вещей изображается держащей в руках белого и черного ребенка. [...] Этот символ объясняет смену времен года, жизни-смерти, света-тьмы, явленного-неявленного [13; 514].

В итоге названный в тексте стихотворения белый и подразумеваемый черный цвет работают на идею начала и конца. Изображение химического процесса превращения железа в окалину Кенжеев предваряет процессом умирания в природе: «все, что только сегодня возникло, / а назавтра спешит умереть». Процессы параллельного ряда «природа – предмет» служат усилению мысли о неизбежности конца.

Стоит заметить, что большинство обозначений четырех металлов выступает в роли метафоры, которая основывается на сходстве цвета: «медно-серому азиатскому ноябрю»; «серебристые оливы голубинового пера», «в золотистом чернильном тепле»; вкуса и звука: «закатный привкус медный / в вине мерещится», «Где серебром вплетен в городской разброд / голос замерзшей флейты», качества: «фронтоник, сверчок на своем шестке / золотом поющий», «река моя золотая»; формы: «сливались ненависть и любовь / в узком твоём зрачке в золотой клубок».

В стихотворении «Седина ли в бороду, бес в ребро...» слово «серебро» встречается дважды – в начале и в конце текста, что создает кольцевую композицию. Лирический сюжет в своем движении проходит путь от большого к малому, от общего к локальному, от внешнего к внутреннему, от жизни человека к его душе. Скрепляются эти две точки общим понятием «серебро», при этом открытое / скрытое указание в тексте на его химические свойства помогает создать метафору скротечности жизни.

Седина ли в бороду, бес в ребро...

Справка

«дорожает тусклое серебро
отлетевших суток, часов, минут»
[3; 147]

«...серебряные (или посеребренные)
изделия [...] со временем [...] часто тускнеют и даже могут почернеть. Причина – действие сероводорода» [9]. В народе считается, что серебро от времени может тускнеть.

Трансформация в стихотворении жизни в душу осуществляется через образ рыбы. Согласно мифологии «все было смыто водой, и люди превратились в Рыб» [7; 392]. Именно рыба стала «символом углубленной внутренней жизни, скрытой под поверхностью вещей» [13; 430], то есть символом души.

Седина ли в бороду, бес в ребро...

Справка

«[...] душа испуганная [...]»
«за изгибом берега не видна,
обдирает в кровь плавники свои – и

«Если расплавленное серебро поглотило значительные количества кислорода, то затвердевание металла сопровождается высвобождением большого количества

сверкают камни речного дна
от серебряной ее чешуи»

[3; 147]

газа. Давлением выделяющегося кислорода корка на поверхности застывающего серебра разрывается, часто с большой силой. В результате происходит внезапное взрывное разбрызгивание металла» [9].

Образ разбросанной по дну реки чешуи рыбы, сверкающей среди камней благодаря схожести можно сравнить с химическим процессом разбрызгивания серебра.

Божественное благородство золота, так же, как и серебра, указано в Священном писании: «И будет Вседержитель твоим золотом и блестящим серебром у тебя» (Библия. Книга Иова. Глава 22: 25). Когда говорят о золоте, появляется бесчисленное множество ассоциаций. Золото – это символ солнечного света и божественного разума, мудрости и бессмертия. В ряду описываемых металлов словообраз «золото» у Кенжеева имеет как индивидуальные особенности проявлений, так и общестилевые, характерные для поэзии Кенжеева в целом. Рассмотрим, каково же место и значение золота в его стихотворениях.

Самое простейшее его проявление заключается в том, что оно может участвовать в передаче желтого цвета, выраженного существительным: «русскому золоту», «пленкой золотою», «тонким золотом». Встречается в качестве эпитета: «в позолоченной раме», «виноградные кисти горят / темно-розовым и золотым», «золотые скрижали». Слово «золото» находится в рамках стандартных проявлений. Например, строка «огней так много золотых» отсылает к одноименной популярной песне 60-х годов XX века. Кенжеев словно намеренно дает слову «золото» общеупотребительную сочетаемость и тем самым достигает неожиданного художественного эффекта извлечения оригинального из банального: «Создавая художественное произведение и используя интегранты старых конструкций, писатель всегда переопределяет систему» [2; 162].

В стихотворении «Открыть глаза – и с неба огневого...» фраза «Кружится яблоко на блюде золотом» имеет фразеологический аналог «На блюдечке с золотой (голубой) каемочкой», т. е. получить что-то без приложения усилий, уже готовым. Одновременно в ней прочитываются элементы сказочной заданности. В. Пропп, давая типологию волшебных предметов в русских сказках, отмечает среди них и зеркало [11; 191]. Аналогом зеркала является золотое (серебряное) блюдечко, по которому катают яблоко для того, чтобы увидеть прошлое или будущее или узнать о местонахождении героя*. Кенжеев, обращаясь к известным элементам, создает новое смысловое пространство одиночества и неизвестности. Нет возможности получить готовый ответ, и нет надежды, как в зеркале, увидеть себя с возлюбленной ни в прошлом, ни в будущем. Появление сказочной формулы в стихотворении работает на его смысл, так как, по утверждению известного фольклориста Е. Костюхина, в сказке речь идет о невозможном [6; 93].

Чаще образ золота как символа высшего вдохновения в скрытой форме отсылает у Кенжеева к теме творчества: «оценщик далей золотых», «таинственное золото в лазури», «а слова – золотая плотва», «в золотые ямбы». Золото как знак мудрости и знания, знак света и крепости лежит в основе стихотворных

* См.: Сказка о серебряном блюдечке и наливном яблочке [8; 260–262].

строк, имеющих схожую синтаксическую конструкцию однородности. В позиции перечисления находится либо слово «золото», сочетающееся с однородным по отношению к нему словом по принципу антитезы («*поющим про янь и инь, / черный с белым, ветренный с золотым...*»), либо целые словосочетания по принципу смысловой градации («*свет без возраста, голос без имени, золотистые камни на дне...*»). В обоих случаях процитированные фразы, завершая стихотворения, выделены также и многоточием. Открытый финал, переданный фигурой умолчания, символизирует собой расширение, переход к высоким метафизическим смыслам, который фиксируется божественным золотом.

Образ золота уже сам по себе является семантически и символически избыточным, вероятно, поэтому у Кенжеева встречается только один пример, требующий научно-химического комментария.

Было: медом и сахаром колотым...

Справка

«Пусть над явной космической ямою,
где планета без боли плывет,
золотою покрыт амальгамою
крутокупольной истины свод...»

«При обработке жидкой ртутью золото-содержащей руды образуется сплав ртути и золота, так называемая амальгама. При промывке тяжелая амальгама опускается на дно и отделяется от породы. Затем ее нагревают, испаряют ртуть и получают золото» [4; 152].

Двухступенчатая процедура получения металла золота порождает два мерцающих образа в стихотворении Кенжеева. Внешний отсылает к образу церковных куполов. Техника покрытия медных куполов основывалась на использовании тонкого слоя амальгамы – раствора золота в ртути. При нагревании ртуть испарялась и оставался тонкий слой позолоты. Внутренний – это золото, прошедшее очищение огнем и тем самым обретающее свою настоящую суть. Ведь и человек, согласно Священному писанию, пройдя через испытания, способен очиститься, как золото. Золото как символ веры и красоты среди ценностей человеческого бытия обладает такой же незыблемой ценностью, как и общечеловеческие истины о добре и зле.

В порядке перечисления (без лишних комментариев) предлагаем вниманию примеры остальных химических элементов из поэтической таблицы Кенжеева. Знакомство с ними придаст большую убедительность важному конечному выводу нашей статьи о месте и роли химических терминов и слов с «химическим оттенком» в его поэзии.

Азот: «*не возмутить в крови кессонного азота*».

Алюминий: «*раскрылся гроб воздушный, алюминиевый гроб*», «*отцовские часы “Победа” на браслете / из алюминия*».

Кремний: «*Кольцо к кольцу, просвет в кремневой оболочке*», «*Посверкивают лужи, сквозит кремнистый небосвод*», «*Нет, по долгой орбите земли / все в чешуйках кремния*».

Фосфор, сера, мышьяк: «*[...] ночами / беззвездными у вытяжного шкафа / мешаешь белый фосфор с мышьяком, / с толченой костью, с серным ангидридом*», «*беломорский вития, о чем ты / беспокоишься, плачешь*

о ком, / и в длани старческой, словно почетный / знак, сжимая стакан с мышьяком?».

Никель: *«да в казенном зеркале солнца отблеск тонкий / на больничном никеле в дифтеритной пленке».*

Цинк: *«старуха Кора [...] / и металлически так хрипела, / метая карты на цинковый стол».*

Олово: *«Но листающий книгу Иова, / словно жидкое олово пьет».*

Йод: *«Безымянное небо. Зеленка и йод, / и кармин».*

Ртуть: *«Щенок [...], / вдыхающий ртутные зеркала», «Куда глаза глядят, туда, где луч / ртутный воздуха не чаёт», «в термометре ртуть / близка к замерзанию, к гибели, как говорится».*

Свинец: *«Да и зачем оно, откуда в руке свинцовый карандаш?», «подлезал под крышу тюрьмы Пьямбино / разбирать свинцовую черепицу».*

Кобальт: *«Двоясь, лепечет муза грешных странствий, / о том, что снег – как кобальт на фаянсе».*

Приведенные примеры позволяют увидеть одну особенность. С помощью поэтических металлов Кенжеев выстраивает сравнительные ряды в изображении природы или, называя предметы вещного мира, указывает на то, из какого металла они сделаны. Это мир «нехитрой химии», окружающий человека.

Здесь будет уместным вспомнить, что представителями русской лингво-поэтической школы Н. Кожевниковой, З. Петровой создан уникальный труд энциклопедического характера «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» (Выпуск 4 «Камни, металлы»; Выпуск 5 «Ткани, изделия из тканей»). Авторы словаря систематизируют большой объем тропов русской прозы и поэзии по принципу семантических полей. В выпуске 4 «Камни, металлы» выделено три семантических поля: «Человек», «Время», «Окружающий мир». В первом разделе [5; 17–163] приведено множество примеров, когда в описании человека, его портрета, характера, внешности, действий и т. д. участвуют слова из лексического пласта, обозначающего металлы. Приведем несколько ярких примеров: *«Я креплюсь на перу у творца / Терпкой каплей густого свинца»* (Пастернак), *«Но под ударом любви ты – что золото ковкое»* (Парнок), *«Кровь разжигалась, висками жились. / Руки в железо сжимались злобой»* (Маяковский), *«Стальная выправка хребта / И вороненой стали волос»* (Цветаева) и др.

Поэзия Кенжеева – это урбанистическая поэзия. Его лирический герой находится в контексте городской жизни, которая предстает во всех своих подробностях и мелочах. Вещества поэтической таблицы Кенжеева становятся особым способом изображения и познания этого мира. В тексте они приобретают оценочные черты по отношению к миру. Их феномен заключается в том, что они участвуют в научном, житейском описании мироустройства, выступают в своей прямой функции обозначения металлов и их свойств. Они объясняют мир, в котором живет человек, но при этом никогда не принимают участия в характеристике самого человека. Чем это можно объяснить? Предлагаем несколько гипотез.

1. Кенжеев в силу своего первого образования владеет профессиональными знаниями по химии, которые словно сами «рвутся» в его поэзию. В его лексиконе много слов, содержащих в себе «химическую» подтекстовую информацию.

2. Изображение окружающего в мельчайших деталях придает убедительность месту обитания человека. Это материальный мир, наполненный вещами, явлениями природы и т. д. Понятия, связанные с химией, служат созданию иллюзии достоверности этого мира.

3. Чем меньше поэтических изысков используется при изображении самого человека, тем больше места остается для внешнего мира. Через его многообразие и неповторимость поэт пытается объяснить мир души лирического героя. Этот герой находится на пересечении времен и времени, пространств и пространства. В определенной степени он – маленький человек со своим устойчивым местом в центре города, природы и вселенной.

4. Поэзию Б. Кенжеева можно определить как бытийно-философскую, в которой оба подхода к описанию жизни тесно переплетаются. основополагающий принцип его поэзии заключается в том, что активная лирическая событийность дает толчок к онтологическим умозаключениям.

Проведенное локальное исследование одной темы позволило убедиться еще раз, что Б. Кенжеев является одним из ярких русских поэтов современности, и в неповторимости его поэтического мышления и индивидуальной стилиевой манеры не последнюю роль играет темное вещество химии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Водород. <https://chem21.info/info/1531746> (26.04.2020).
2. Жовтис А. Избранные статьи. Алматы, 2013.
3. Кенжеев Б. Послания. Алматы, 2004.
4. Кенжеев Б., Образцов П. Удивительные истории о веществах самых разных. Тайны тех, что составляют землю, воду, воздух... и поэзию. Москва, 2015.
5. Кожевникова Н., Петрова З. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 4: Камни, металлы; Вып. 5: Ткани, изделия из тканей. Москва, 2017.
6. Костюхин Е. Лекции по русскому фольклору. Москва, 2004.
7. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Москва, 1988.
8. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. Т. III. Москва, 1985.
9. Серебро. https://www.krugosvet.ru/enc/nauka_i_tehnika/himiya/SEREBRO.html (26.04.2020).
10. Строение и свойства железа его соединений. <https://foxford.ru/wiki/himiya/stroeniei-svoystva-zheleza-i-ego-soedineniy> (26.04.2020).
11. Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. Москва, 1986.
12. Шестакова Л. Литературное имя как предмет корпусного исследования, [в:] Корпусный анализ русского стиха. Москва, 2014.
13. Энциклопедия символов, знаков и эмблем. Москва, 1999.

